

Сходства и различия между античной и современной Медееми

Mihalić, Antonela

Undergraduate thesis / Završni rad

2019

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:256146>

Rights / Prava: [In copyright](#)/[Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2023-11-30**

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za rusku književnost

Završni rad

Сходства и разницы между античной и современной Медеями

student: Antonela Mihalić
mentor: dr. sc. Danijela Lugarić Vukas, doc.
ak. god.: 2018./2019.

U Zagrebu, 28. kolovoza 2019.

Оглавление:

1. Введение	1
2. Античный образ Медеи	2
2.1. Образ Медеи в греческой мифологии	2
2.2. Образ Медеи в трагедии Еврипида.....	3
3. Образ Медеи в романе <i>Медея и её дети</i> Людмилы Улицкой.....	7
3.1. Тема семьи и материнства в романе	9
4. Образ Медеи в рассказе <i>Медея</i> Людмилы Петрушевской.....	11
5. Заключение.....	13
6. Список литературы.....	14
Sažetak.....	Error! Bookmark not defined.
Ключевые слова.....	17

1. Введение

Говоря о Медее, первая ассоциация, которая возникает – это детоубийца. Через историю Медея стала символом всего плохого и ужасного в женщине. Но Медея, прежде всего, была мать и жена, а самое важное – она женщина, которая должна вынести предательство мужа. Медея является персонажем из греческой мифологии. Исследователь Валерия Бабенка утверждает, что «нет отдельного, самостоятельного мифа о Медее, у всех авторов он включён в миф об аргонавтах», в котором Медея сыграла важнейшую роль в их подвиге, благодаря ей они добились золотого руна (2010: 10). Первый автор, который углублённо анализировал образ Медей – это Еврипид, который даже популяризировал сюжет о Медее-детоубийце. К Медее обратились даже Сенека и Овидий, столетиями позже Корнель, а из современных писателей самые известные образы Медеи созданы Людмилы Улицкой и Людмилы Петрушевской, произведения которых вместе с Медеей Еврипида являются источниками для оформления данной работы.

Работа состоит из введения, три главы и заключения, сопровождаемого списком литературы и резюме. В первой главе, которая разделена на два параграфа, обрабатывается образ Медеи, создан греческой мифологией и античными произведениями, с ударением на трагедии Еврипида. Во второй главе анализируется образ Медеи, создан Людмилы Улицкой в романе *Медея и её дети*, а приводятся и сходства и различия между её образом и Медеей Еврипида. Третья глава посвящена рассказу *Медея* Людмилы Петрушевской. Анализируя её образ Медеи, мы сопоставляем его Еврипиду и Улицкой. Данная работа опирается на уже упомянутые источники, также научные статьи ряда российских и иностранных исследователей. Цель работы – не только анализировать различные образы Медеи, созданные авторами, но и показать сходства и различия между ними, особенно из перспективы темы материнства и смерти.

2. Античный образ Медеи

2.1. Образ Медеи в греческой мифологии

Согласно данным Энциклопедии классической греко-римской мифологии, Медея была дочерью колхидского царя Ээта и океаниды Идии, внучка Гелиоса, бога солнца, но существует и такой вариант, по которому её матерью была богиня Геката. Самый известный вариант говорит, что Медея была жрицей Гекаты, а племянницей Цирцеи. Каждый из вариантов связывает Медею с божеством, делает её волшебницей, подчёркивая её способность владения сверхъестественными силами. Медея влюбилась в вождя аргонавтов Ясона и помогла ему завладеть золотым руном, используя свои мощи. Медея с помощью своих трав усыпила дракона, охраняющего руно, и её возлюбленный, таким образом, смог его похитить. Согласно уговору, Ясон был должен жениться на ней и взять её с собой в Грецию. После похищения руна Медея бежала с Ясоном и аргонавтами из Колхиды и взяла с собой своего младшего брата Апсирта. Её отец хотел помешать увезти золотое руно и начал настигать их своим судном. Чтобы он не достиг их, Медея убила своего брата, расчленила его тело на несколько кусков и бросила их в воду, зная, что Ээту придётся задержать судно, чтобы собрать остатки тела сына для погребения. Потом Медея вышла замуж за Ясона и они сделали остановку на острове Цирцеи, где она очистила их от греха убийства. Когда аргонавты добрались до Иолка, ради трона которого Ясон добывал золотое руно, там все ещё правил его дядя Пелий. Он отказался уступить племяннику власть. Чтобы Ясон добрался власти, Медея обманула дочерей Пелия и они его убили. Она сказала им, что если разрежут и бросят его в кипящий котёл, они могут превратить старика в молодого человека и показала им, что это правда, зарезав и воскресив козла. Они поверили ей, но Медея царя не воскресила и после убийства они с Ясоном были должны убежать в Коринф, где правил царь Креонт. Там Медея родила Ясону двух сыновей, а когда он захотел жениться на другой женщине, именно на дочери Креонта Главке, Медея из-за мести убила своих детей. Бабенка даже приводит и следующий вариант: «Ясон требовал у Медеи смирения с его предстоящим браком. В свою очередь, Медея отравила Креонта и сбежала из города, но своих детей захватить с собой не смогла, и они были из мести убиты коринфянами» (2010: 11). Из Коринфа Медея улетела на колеснице, запряжённой драконами (или по другому варианту, крылатыми конями). Существуют разные варианты о том, что произошло после бега Медеи из Коринфа, но по мере того, как жизнь Медеи после бега находится вне рамок данного исследования, мы не будем останавливаться на них.

Изучая мифологический образ Медеи, русский исследователь Ирина Сергеевна Иванова точно обнаруживает, что он показывает постоянную утрату женственности, которая присутствует с самого начала, когда узнаём, что Медея является волшебницей:

В мифе о Мее героиня наделена сверхъестественной властью изначально: она колдунья. ... [к]олдунья может нести и сознание, и разрушение. Добрая фея женственна и по форме и по содержанию, а колдунья – часто, только по внешней форме, если она принимает облик молодой, красивой и доброй девушки или женщины (Иванова 2014: 71).

Медея, действительно, описывается как молодая, красивая женщина, но её женственность уже утрачена её божественным происхождением. Она проявляет свою женственность только когда помогает мужчине добиться своей цели, т.е. когда она «оказывает чудотворную помощь герою» (там же). Начиная с её происхождения, женственность Медеи постепенно исчезает, особенно с первого убийства – в начале Медея убивает своего младшего брата, потом Пелия, невесту Ясона и в конце своих детей, убийство которых Иванова называет «апофеозом потери женственности» (там же).

2.2. Образ Медеи в трагедии Еврипида

Трагедия Еврипида *Медея* представлена в 431 году до н. э. Хотя сюжетная линия придерживается событий из мифа, Еврипид не поставил ударение на походе за золотым руном, а на жизни Медеи с Ясоном в Коринфе, впоследствии чего дается сложный психологический портрет Медеи, детально описываются её мысли и чувства. Пичугина утверждает, что «оппозиция "свои — чужие" у Еврипида сильнее, чем у других драматургов» (2016: 531). Божественное происхождение Медеи сначала делает её «чужом», а кроме того, она дочь царя и гордится своим происхождением. Исследователь Т. В. Федосеева объясняет связь между её происхождением и её отношением с Ясоном:

Высокое социальное положение Медеи дополняется ее национальной принадлежностью: родина Медеи Колхида — страна Азии, и в Коринфе, после бегства туда с Ясоном, Медея воспринималась как чужеземка, варварка, а следовательно, как человек второго сорта. Античная Медея тяжело переживает

свою национальную инаковость и видит в своем «варварстве» причину охлаждения к ней мужа и впоследствии — кризиса ее отношений с Ясоном (2006: 4).

Её отношение с Ясоном является одним из важнейших действующих сил трагедии, поскольку их отношение является основным мотивом, который определяет поступки и поведение Медеи. Мужско-женские отношения в трагедии дают возможность глубоко проникнуть в душу Медеи. Медея воспринимается как «олицетворение мести и ревности» (Бабенка 2010: 63). Трагедия начинается с монолога кормилицы, которая рассказывает о прошлом Медеи, о её роли в походе аргонавтов, об убийстве собственного брата и жизни в Коринфе. В начале узнаём, что Медея сильно разгневана, узнавши о предательстве мужа. О её гневе кормилица говорит: «Да, грозен гнев Медеи: не легко/ Ее врагу достанется победа» (Еврипид 1999: 40). Для Медеи предательство является самым ужасным из грехов, а предательство Ясона не могло быть худшее — Медея помогла ему добиться всего, чего он захотел, он женился на ней из благодарности, не по любви, и в конце обижает её браком с другой женщиной. Этого Медея не может вынести и решает отомстить ему. Исследователь Федосеева отмечает:

К числу маскулинных признаков Медеи можно отнести дерзость, жестокость, бесстрашие, честолюбие. У Еврипида, к примеру, мы видим, что из двух эмоций: феминной (любовь к сыновьям) и маскулинной (жажды отомстить за свою честь) — побеждает последняя. Для Медеи бесчестие и осмеяние страшнее измены мужа (2006: 6-7).

Несмотря на то, Медея не сразу решила отомстить мужу убийством своих детей потому, что она их любила. Она не описана как женщина, которая ненавидит своих сыновей, а как женщина, испытывающая сильную материнскую любовь. Поэтому возникает вопрос — почему она совершила такое страшное убийство. Ответ на этот вопрос даёт Пичугина, которая отмечает, что «Еврипиду важно не столько то, кто прав, а кто виноват, сколько особое понимание героиней правоты и виновности (своей и чужой)» (2016: 531). Медея ищет самое ужасное наказание за предательство Ясона и не может и не хочет продолжить жизнь в обиде. Бабенка в своей работе продолжает с объяснением:

По античным представлениям, человек, лишённый потомства, считался отверженным богами и людьми, так как дети являлись гарантией бессмертия для

родителей, и, прежде всего, для отца. Медея хочет убить жену Ясона, чтобы лишить его будущих законных детей, для этого она посылает ей со своими детьми отравленные подарки. Одновременно Медея приходит к мысли, что её удар будет более сильным, если погибнут те дети, которые уже есть у Ясона (2010: 32).

Еврипид, как лучший из психологов отлично описывает мысли Медеи, её колебания и финальное решение. Когда Медея в первый раз приходит к мысли, чтобы лучше было убить своих детей, материнская любовь заставляет её подумать и бросить такое решение:

Вы на меня смотрите и смеетесь/ Последним вашим смехом?.. Ай... ай... ай.../ Что ж это я задумала?/ Упало/ И сердце у меня, когда их лиц/ Я светлую улыбку вижу, жены./ Я не смогу, о нет... Ты сгини, гнет/ Ужасного решенья!.. Я с собою/ Возьму детей... Безумно покупать/ Ясоновы страдания своими/ И по двойной цене... О, никогда.../ Тот план забыт... Забыт... Конечно... (Еврипид 1999: 1040).

Но потом, она как будто вспомнила то, что мы знали о ней сначала – что она не может вынести обиды и ругательства и снова в ней растёт желание отомстить Ясону:

Только/ Что ж я себе готовлю? А враги?/ Смеяться им я волю дам, и руки/ Их выпустят... без казни?../ Не найду/ Решимости?/ О стыд, о унижение!/ Бояться слов, рожденных слабым сердцем.../ Ступайте в дом, вы, дети, и кому/ Присутствовать при этой жертве совесть/ Его не позволяет, может тоже/ Уйти... Моя рука уже не дрогнет... (там же: 1050).

Узнавши, что Креонт и его дочь уже умерли благодаря отравленными подарками, которые принесли им сыновья Медеи, она понимает, что судьба детей уже предназначена и сама их убивает. Бабенка утверждает:

Со смертью детей несчастная и измученная женщина уступает место жестокой, бесчеловечной волшебнице, злорадно глумящейся над поверженным врагом. Медея, вопреки нормам полисной жизни идёт на преступление. Она считает, что человек может поступать так, как ему диктуют его личные стремления, страсти (2010: 34).

Для поступка Медеи есть ещё одно толкование, приведено Марией Мэккей. В своей статье об анализе Медеи она трактует её поступок как «милосердное убийство», опираясь именно на то, что Медея знала судьбу своих детей после смерти царя Креонта и её дочери – её сыновья были бы убиты мучительной смертью (Maskay 2011: 71). Чтобы спасти их от такой судьбы, она убила их сама.

Внимательно читая трагедию Еврипида, мы можем найти уважительной причины такого ужасного поступка Медеи и трактовать его как милосердного. Однако, Медея осталась символом зла, тьмы и плохой женской сущности. По мнению Т. А. Шарыпины, «попытки "высветлить" или "очернить" этот образ убивают его трагическую величественность» (2007: 3).

3. Образ Медеи в романе *Медея и её дети* Людмилы Улицкой

Роман *Медея и её дети* Людмилы Улицкой, опубликован в 1996 году, даёт иное видение античной мифологической героини. Сама Улицкая назвала этот роман семейной хроникой, а целый сюжет обрабатывает жизнь семьи Медеи от её детства, замужества, вдовства и наконец смерти. Роман в своём заглавии носит название античного мифа и «таким образом ... "задает" конкретную тему, становится "говорящим", настраивая читателя на трагическую историю обманутой женщины», но эти ожидания в течение истории полностью разрушает (Бабич 2011: 133). Исследователь Ю. Бабич в своей статье пишет, что «мифоцентричность стала характернейшей особенностью литературы XX века, а мифологизация – важнейшим принципом создания художественного мира произведения» (2011: 26). Кроме мифологической связи и элементов семейной хроники, в романе также можно обнаружить приметы жанра жития. В. Бабенка утверждает:

Житийный жанр интересен Улицкой, прежде всего, бытийными реалиями: человек соотносится не только с жизнью общества, но и с космическими началами. Всё это находит отражение в образе романной Медеи, которая, как и герои жития, устремлена к идеалу праведничества и святости, она смиренно несёт свой жизненный крест (2010: 40).

Улицкая начинает свой роман с представлением своей героиней, описывает её происхождение, объясняет мифологическую связь: «Медея Мендес, урожденная Синопли – если не считать ее младшей сестры Александры, перебравшейся в Москву в конце двадцатых годов, – осталась последней чистопородной гречанкой в семье, поселившейся в незапамятные времена на родственных Элладе таврических берегах» (Улицкая 2006: 5). Узнаём также, что она в семье была последней, которая приблизительно сохранила греческий язык, но что нет никого, с кем могла бы поговорить на нём. Она давно овдовела, но больше не выходила замуж, хранила верность «образу вдовы в черных одеждах, который ей очень пришелся» (там же).

Помимо греческого происхождения, существует ещё одно, может быть более важное сходство с Медеей Еврипида, а это именно сверхъестественные силы, которыми обладает и романная Медея. Даже и окружающие воспринимают Медею как божество – она охраняет (работает мед-сестрой) и «для местных жителей ... давно уже была частью пейзажа» (там же: 6). В романе подчёркивается и настаивается на том, что Медея всё знает, и что ничего не происходит в Посёлке, о чём она не услышала: «Вся

округа, ближняя и дальняя, была известна ей, как содержимое собственного буфета. Она не только помнила, где и когда можно взять нужное растение, но и отмечала про себя, как с десятилетиями медленно меняется зеленая одежда» (там же). Когда она была маленькой девочкой, на дороге нашла «ведьино кольцо», а это, как считает Бабенка, «подтверждает магическую основу образа Медеи» (2010: 53). Исследователь Е. А. Хамраева подчёркивает, с другой стороны, очевидную разницу между двумя Медеями:

В Медее присутствуют две важные особенности характера: бесстрашие и щедрость. Об этом свидетельствует тот факт, что в начале романа она приютила в своем доме Рафиля малознакомого ей человека, преследуемого советскими властями, а в конце повествования завещала ему дом в Крыму, по нашему мнению, завещание Медеи — это дань уважения всему крымскому народу, так как по нации он был крымским татарин (2018: 42).

Для античной Медеи бесстрашие и щедрость не существовали, она была честолюбива и горда, с желанием мести. С другой стороны, исследователи Е. Э. Латыпова и А. Ш. Абдулина отмечают, что «в героине в определенной степени присутствуют гордость, честолюбие, умение руководить людьми. Она является главой семьи, руководит ею. Она выдает свою подругу Елену замуж за Федора, все члены семейства обращаются к ней за советом, за помощью» (2017: 34). Помимо того, в романе постоянно подчёркивается маскулинность Медеи, читатель узнаёт, что она сильна и высока ростом, упоминается даже и её мужской размер обуви: «В отрочестве она много страдала от своей внешности: рыжие волосы, чрезмерный рост и чрезмерный рот, она стеснялась больших рук и мужского размера обуви, который носила...» (Улицкая 2006: 39). Маскулинность также можем увидеть в том, что она главенствует целой семьёй, она принимает на себя традиционно патриархальную, мужскую роль. Медея Еврипида также маскулина, особенно в том, что, как отмечает Мэккей, она сама выбрала своего мужа, «сама устроила свой брак» (2011: 51).

Ещё одно из сходств, связывающих этих двух героинь, есть и тот факт, что обе Медеи пережили предательство мужа. Медея Мендес узнала о романе своей сестры Сандрочки с её мужем и порвала все отношения с сестрой. Но самая яркая разница между ними в том, что Медея успела искренно простить своему мужу и сестре, но только после смерти, т.е. самоубийства племянницей Маши. Смерть играет важную роль в романе Улицкой. Специалист по русской литературе О.В. Побивайло объясняет

что «смерть приходит мгновенно, даже незаметно, не нарушая покоя и красоты мира» (3). В романе Улицкой смерть является своего рода освобождением и рождением новой жизни для героини. Только когда её муж умирает, она освобождается заботы о ему и начинается жизнь, в которой она человек совсем спокойный: «Вдовство её было прекрасно, ничем не хуже самого замужества. ... Вдовство длилось уже значительно дольше брака, а отношения с покойным мужем были по-прежнему прекрасными и даже с годами улучшались» (Улицкая 2006: 99).

3.1. Тема семьи и материнства в романе

Тема семьи в романе является главной из обработанных автором тем, поскольку и в самом заглавии романа стоит, что речь идёт о семейной хронике. Главная характеристика романной Медеи то, что она сердце, центр, самой большой семьи – она захватывает целый мир, благодаря многочисленным родственникам, которые разъехались по целому миру. Медея бездетная вдова, но имеет материнскую функцию, она собирает у себя своих братьев и сестёр и их детей, о которых заботится и которых воспитывает. Пока читаем роман *Медея и её дети*, получается такое ощущение, что все люди – дети Медеи. Таким способом Улицкая образом анти-Медеи уничтожает образ античной Медеи, Медеи детоубийцы, и делает из неё архетип матери. Интересно то, что именно бездетная Медея относится к всеми персонажами в романе таким же образом, как мать относится к своим детям. Повествователь в романе Улицкой об этом говорит следующим способом:

Спустя много лет бездетная Медея собирала в своем доме в Крыму многочисленных племянников и внучатых племянников и вела над ними свое тихое ненаучное наблюдение. Считалось, что она всех их очень любит. Какова бывает любовь к детям у бездетных женщин, трудно сказать, но она испытывала к ним живой интерес, который к старости даже усиливался (2006: 16).

Сразу можно увидеть, что роман Улицкой в образе Медеи разрушает представления о матери, она убивает Медею преступницу и рождает анти-Медею. Исследователь Т.А. Скокова отмечает: «Медея Улицкой, в отличие от античной, бесплодна, а значит, уже заранее лишена возможности совершить грех детоубийства, как в мифе. Она выполняет функцию матери по отношению ко всей семье, являясь своеобразным семейным центром» (2009: 1318). В отличие от античной Медеи, которая убивает своих детей,

чтобы отомстить мужу, романная Медея христиански прощает мужу и сестры, она смогла найти сил, чтобы поступить по христианском науке. Она сохраняет семью, а не разрушает её. Как отмечает исследователь Ван Юе:

Главная героиня – Медея Синопли – из своего домашнего двора создаёт настоящую «землю обетованную», которая как родовое гнездо привлекает многочисленных детей родни бездетной Медеи. Она организует ту семью, которую не смогла сохранить космогоническая Медея из первоначального мифа, даря миру свою неизрасходованную женскую теплоту и желание понять каждого проходящего в её дом» (2018: 226).

Если говорим о теме материнства, то можно сказать, что эта тема одна из центральных в женской прозе. Поэтому является интересным, что Еврипид в своей трагедии анализирует именно эту тему. Мать, которая должна быть хранительницей и защитницей является убийцей и становится воплощением плохой женской сущности. С одной точки зрения, можно даже сказать, что такой образ разрушает гендерные стереотипы, но когда мужчина пишет о детоубийстве, это воспринимается иначе, чем когда женщина пишет об одинаковой теме. Важно упомянуть, что Улицкая создавший образ анти-Медеи, до определённой степени разрушила и понятие Медеи как детоубийцы, но одновременно ей удалось также критиковать традиционные представления о женщине, поскольку её героиня обладает и мужскими и женскими чертами.

4. Образ Медеи в рассказе *Медея* Людмилы Петрушевской

Людмила Петрушевская – известный русский драматург и писатель. Излюбленные ею темы – это материнство, болезнь, смерть, женское начало, несчастная любовь – темы невесёлые, но очень интересные. Исследователь Т. Н. Маркова отмечает, что в её прозе существует «неожиданное сочетание физиологизма с мистикой, натурального с мифологией, хаотично-бытового с поэтически-возвышенным» (2013: 88). Герои в её произведениях – почти всегда женщины. В рассказе *Медея*, который является частью её цикла *Реквиемы* речь идёт о женщине, которая переживает цепь несчастных событий. Потеряв работу, женщина ощущает себя ненужной обществу. В этот тяжёлый период она ищет поддержку в семье, у мужа и дочери, но в ответ получает лишь отчуждённость. Пытаясь как-то уменьшить свою боль, она мстит, совершает страшные поступки, а слабый и безвольный муж не может ей помочь. Мы узнаем из диалога между водителем такси и его пассажиркой, что его психически неуравновешенная жена, доведенная до безумия его предательством, убила свою любимую четырнадцатилетнюю дочь. Поскольку он не мог любить свою жену и уделять ей внимание, она убивает свою дочь в порыве ревности и мести, избавляясь от своего соперника. Герои Петрушевской в этом рассказе обезличены, мы не знаем их имя и фамилию, что часто является приёмом также в других рассказах писательницы. Петрушевскую часто критиковали из-за её анти-фемининного подхода, из-за подчёркивания страдания, нищеты и несчастья (Woll 1993: 125).

Петрушевская, как и Улицкая, выбрала говорящее имя в заглавии своего рассказа, но в отличие от Улицкой, которая разрушает наши ожидания, Петрушевская следит сюжетную линию античной Медеи. Именно из-за того, что материнство является сферой, которую полностью могут понять только женщины, услышать об убийстве детей из перспективы женщины можно интерпретировать не дословно, а как критику к установленному, типичному образу восприятия женщин. Как и во множестве других странах, так и в России традиционное восприятие женщин, связанное с образом хранительницы и защитницы в виде матери-земли, или Богородицы (Marsh 2012: 1194). Такие образы матери помогли создать идеалистический и ненатуральный образ материнства, к которому надо стремиться. Некоторые феминисты считают, что «материнство – это патриархальный конструкт, а фигура матери связана с продолжающим патриархальным рабством» и утверждают, что «всегда были матери, но материнство было изобретено» (там же: 1201). Петрушевская в своём рассказе показывает, что материнство не всегда самое лучшее событие в жизни женщины, что

его сопровождают многочисленные проблемы, либо психические, либо материальные, семейные, бытовые. Стать матерью, завести семью, это просто было то, что надо было сделать для счастливой и успешной жизни, но Петрушевская отбрасывает такие представления и показывает, что реальность иногда совсем по-другому.

Надо добавить, что *Медея* – не единый рассказ Петрушевской, в котором обрабатывается тема материнства с иной точки зрения. Вспомним, например, уже много раз анализированную повесть *Время ночь*. Рассказ *Свой круг* показывает, что материнская любовь заставляет женщину иногда совершить морально сомнительные действия – смертно больна мать избивает своего сына перед глазами его отца и новой жены, чтобы быть уверенной, что они его из сожаления примут в семью. Улицкая, как и Петрушевская, разрушают миф о Мееде, каждая пользуясь своим стилистическим языком, но обе писательницы якобы сложны в том, что пространство литературного текста является благополучной почвой для разрушения образа, который складывался с течением времени внутри патриархальной культуры.

5. Заключение

Хотя Медея является героиней античного мифа об аргонавтах, в культурной памяти она закреплена, прежде всего, как главный персонаж трагедии Еврипида *Медея*. Она внучка бога Гелиоса и дочь царя Ээта и океаниды Идии. Её божественное происхождение подтверждает её мощь, она волшебница и управляет сверхъестественными силами. Медея в своём образе воплощает всё ужасное в женщине – она детоубийца. Но также, она женщина, которая должна вынести предательство мужа. К образу Медеи обратились многие писатели, включая Людмилу Улицкую и Людмилу Петрушевскую, которые использовали её имя в заглавии своих произведений. Такие говорящие имена заставляют читателя ждать одинаковой сюжет, как и в мифе или трагедии, но Улицкая решила создать полностью иной образ Медеи. Её анти-Медея разрушает гендерные стереотипы, игнорирует традиционные представления о матери, поскольку её Медея – центр семьи, но её семья не связана кровью, что у античной семьи было обязательно. Её бездетная вдова воплощает самую хорошую мать, которая не осуждает поступки своих «детей», прощает предательство и главенствует в христианском духу.

Петрушевская имеет совсем другой подход к разрушению традиционного образа матери и материнства вообще. Её рассказчик критикует идеализированный, патриархальный образ материнства, который предсказывает, что мать должна быть хранительницей и защитницей, что у неё никогда не возбуждаются негативные чувства. Важно упомянуть, что практически все героини Петрушевской болеют какой-то болезнью, что прямо связано и с комплексом Медеи – таким психическим состоянием, в котором женщина угрожает и причиняет боль, даже убивает своего ребёнка из-за мести мужу.

Даже можно сказать что, когда говорится о разрушении гендерных стереотипов, Улицкая имеет пацифистский подход. Она уничтожает типичный образ женщины тем, что создаёт большое количество совсем разных героин, с разными историями, амбициями, эмоциями, и каждый из этих типов является индивидуальным, но самое важное то, что не существует образцовый пример, тип лучше всех, к которому надо стремиться. Для Улицкой важно то, что все героини включены в нарратив, который не критикует и не осуждает их. Подход Петрушевской более сильный и целенаправленный. Она удивляет насилием, выбором темы, и конечно самой обработкой. Она активно борется со стереотипами, окружающими женщину и извлекает её вне рамок, в которые поставлена мужчиной и патриархальным обществом.

6. Список литературы

- Бабенка, В. 2010. *Античная Медея и Медея двадцатого века (роман Л. Улицкой «Медея и её дети»)* (Магистерская работа, Вильнюсский педагогический факультет). Режим доступа: <http://gs.elaba.lt/object/elaba:1744220/1744220.pdf> (Дата обращения: 13.8.2019.)
- Бабич, Ю., 2011. «Миф как принцип создания художественной реальности в литературном тексте: на материале романа Л. Улицкой Медея и ее дети». *Південний архів. Сер. Філологічні науки*, (50). С.26-29. Режим доступа: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/Pafn_2011_50_3.pdf (Дата обращения: 13.8.2019.)
- Бабич, Ю.В., 2011. «Реинтерпретация античного мифа в структуре романа Л. Улицкой “Медея и ее дети”». *Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. ГС Сковороди. Сер.: Літературознавство*, (2 (1)). С.133-137. Режим доступа: [http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/Nzl_2011_2\(1\)_19.pdf](http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/Nzl_2011_2(1)_19.pdf) (Дата обращения: 13.8.2019.)
- Еврипид. 1999. *Медея*. В: Еврипид: *Трагедии*. В 2 томах. Т. 1. Перевод Иннокентия Анненского Москва, Наука, Ладомир. Режим доступа: http://lib.ru/POEEAST/EVRIPID/evripid1_2.txt (Дата обращения: 1.6.2019.)
- Иванова, И.С., 2014. «Причины утраты женственности героиней античных трагедий Медеей и этическая оценка данного явления». *Сервис plus*, 8(3). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-utraty-zhenstvennosti-geroiney-antichnyh-tragediy-medey-i-eticheskaya-otsenka-dannogo-yavleniya> (Дата обращения: 1.6.2019.)
- Латыпова, Е.Э. и Абдуллина, А.Ш., 2017. «Материнство в ценностной системе романа ЛЕ Улицкой “Медея и её дети”». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, (10-176). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinstvo-v-tsennostnoy-sisteme-romana-l-e-ulitskoy-medeya-i-eyo-deti> (Дата обращения: 15.7.2019.)
- Маркова, Т.Н., 2013. «Физиология и метафизика семейной жизни в рассказах Л. Петрушевской». *Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения*, (2). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fiziologiya-i-metafizika-semeynoy-zhizni-v-rasskazah-l-petrushevskoy> (Дата обращения: 13.8.2019.)

- Обнорский, В. 2018. *Энциклопедия классической греко-римской мифологии*. Издательство Litres.
- Пичугина, В.К., 2016. «Перевоспитание дочери, жены и матери в трагедии Еврипида “Медея”». *Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция*, 10(2). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevospitanie-docheri-zheny-i-materi-v-tragedii-evripida-medeya> (Дата обращения: 1.6.2019.)
- Побивайло, О.В. 2005. «Опыт мифопоэтического прочтения повести Л. Улицкой “Медея и ее дети”». *Культура и текст* 8. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/opyt-mifopoeticheskogo-prochteniya-povesti-l-ulitskoy-medeya-i-ee-deti> (Дата обращения: 1.6.2019.)
- Скокова, Т.А., 2009. «Интертекстуальность как способ создания образа главной героини в романе Л. Улицкой “Медея и ее дети”». *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 11(4-5). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-sposob-sozdaniya-obraza-glavnoy-geroini-v-romane-l-ulitskoy-medeya-i-ee-deti> (Дата обращения: 15.7.2019.)
- Улицкая, Людмила. 2006. *Медея и её дети*. Москва: Издательство «Эксмо»
- Федосеева, Т.В. 2006. *Образ Медеи в античной литературе и в романе Людмилы Улицкой «Медея и ее дети»*. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/42752> (Дата обращения: 13.8.2019.)
- Хамраева, Е.А., 2018. «О художественном единстве образа Медеи в романе л. Улицкой “Медея и её дети”». *Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования*. С.39-43. Режим доступа: [https://sibac.info/archive/meghdis/17\(52\).pdf#page=38](https://sibac.info/archive/meghdis/17(52).pdf#page=38) (Дата обращения: 13.8.2019.)
- Шарыпина, Т.А., 2007. «Медея XX века: русские версии в европейском контексте». В: *Россия и Греция: диалоги культур*. С. 215-220. Режим доступа: <http://culture-code.ru/wp-content/uploads/2015/12/Шарыпина-Т.А.-Медея-XX-века.-Русские-версии-в-европейском-контексте.pdf> (Дата обращения: 13.8.2019.)
- Юе, В., 2018. «Психоллингвистика мифа в современной женской прозе». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 1-2 (79). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvistika-mifa-v-sovremennoy-zhenskoy-proze> (Дата обращения: 15.7.2019.)
- Маскау, М.А. 2011. *Medeia: Maiden, Mother, Monster: a Biopoetic Analysis* (докторская диссертация, Университет Отаго). Режим доступа: <https://ourarchive.otago.ac.nz/handle/10523/2004> (Дата обращения: 19.8.2019.)
- Marsh, R. 2012. “New Mothers for a New Era? Images of Mothers and Daughters in Post-Soviet Prose in Historical and Cultural Perspective”. *The Modern Language Review*, 107(4). С. 1191-1219. Режим доступа:

www.jstor.org/stable/10.5699/modelangrevi.107.4.1191. (Дата обращения: 15.7.2019.)

Woll, J. 1993. “TheMinotaurintheMaze: RemarksonLyudmilaPetrushevskaya”. *World LiteratureToday*,67(1). С. 125-130. Режим доступа: www.jstor.org/stable/40148873 (Дата обращения: 13.8.2019.)

Sažetak

Ovaj završni rad uspoređuje nekoliko reprezentacija mitološke Medeje: od antičke i Medeje iz istoimene tragedije Euripida, Medeje iz romana Ljudmile Ulicke *Medeja i njezina djeca* do Medeje iz istoimene pripovijesti Ljudmile Petruševske. U radu se supostavljaju slike Medeje, pri čemu se posebna pažnja pridaje reprezentaciji teme majčinstva, kao i načinu na koji spisateljice, preispisujući ikonичku i mitološku sliku Medeje, ruše rodne stereotipe.

Ключевые слова

мифологический образ	mitološki lik/slika
гендерные стереотипы	rodni stereotipi
материнство	majčinstvo
происхождение	podrijetlo
семья	obitelj

Kratki životopis

Rođena sam 13. veljače 1997. godine u Karlovcu, a osnovnu i srednju školu pohađala sam u Dugoj Resi. Nakon završetka opće gimnazije, 2015. Upisala sam dvopredmetni studij ruskog jezika i književnosti i anglistike na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu.